

Василова А. Ш.

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ КОНЦЕПТ "САГЫШ" (ТОСКА) В ЛЕКСИКО-ДЕРИВАЦИОННЫХ СТРУКТУРАХ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2007/3-1/17.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2007. № 3 (3): в 3-х ч. Ч. I. С. 48-50. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2007/3-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

- вкус: *перец*;
- цвет + форма стебля: *пролеска*.

В ряде случаев (*терн, плевел, трость, повилика, поганка*) языковая концептуализация осуществляется при помощи языкового механизма расширения значений: в производном значении сохраняется архисема, но утрачивается дифференциальная сема 'растение определенного семейства', например: *плевел* Род однолетних, реже многолетних травянистых растений семейства злаков, отдельные виды которого являются сорняками; вообще сорная трава, растущая среди хлебных злаков [БАС, т. 9: 1360]. Такие случаи семантического варьирования наиболее ярко демонстрируют особенности народного членения растительного мира.

Таким образом, фитонимы участвуют в концептуализации растительного мира не только через прямые наименования, но также и благодаря своему деривационному потенциалу. Такая концептуализация в свою очередь обеспечивает целостность фитонимической языковой картины мира.

Список использованной литературы

1. Комарова З.И., Хасаншина Г.В. Латинизированный семантический метаязык агрономии как способ научной концептуализации и категоризации фрагмента действительности царства растений// Проблемы языковой концептуализации и категоризации действительности: Материалы Всероссийской научной конференции «Язык. Система. Личность». - Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2004. - С. 27-43.
2. Коновалова Н.И. Народная фитонимика как фрагмент языковой картины мира. - Екатеринбург: Изд-во Дома учителя, 2001. - 150 с.
3. Кустова Г.И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. - М.: Языки Славянск. культуры, 2004. - 472 с.
4. Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения. - М.: Высшая школа, 1988. - 168 с.
5. Словарь современного русского литературного языка. Т. 1-17. - М., Л.: Изд-во Академии Наук СССР. - 1948.

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ КОНЦЕПТ «САГЫШ» (ТОСКА) В ЛЕКСИКО-ДЕРИВАЦИОННЫХ СТРУКТУРАХ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА

Василова А. Ш.

Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет

В лингвистической литературе проведено достаточно большое количество концептуальных исследований. Концепт предстает как «сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в сознание человека...» [Степанов 1999: 40-41].

В рамках лингвокультурологического подхода концепт рассматривается как ментальная сущность, несущая на себе отпечаток духовного облика человека определенной культуры. В сжатом виде он содержит многочисленные сведения о предмете, которые известны данному конкретному человеку, благодаря его предыдущему опыту, и которые относятся к различным областям жизни человека.

Цель данного исследования - показать вербализацию лингвокультурного концепта «сагыш» (тоска) в лексико-деривационных структурах татарского языка.

По мнению Ю.С.Степанова, изучение всякого концепта предполагает установление этимологии обозначающего его знака [Степанов 1997: 44-45]. Использование метода этимологического анализа позволяет изучать сущность концепта в диахронии. Этимологические данные важны, поскольку они обнажают сам механизм формирования того/ иного концепта, его первые шаги в вербально-когнитивном поле культуры.

Ключевой лексемой анализируемого концепта является *сагыш*, в свою очередь восходящая к слову *сагыну*.

Р.Г.Ахметьянов при определении этимологии слова *сагыш*, *сагыну* выделяет древнетюркскую глагольную основу *сак-* / *сагы-* 'думать' (уйлау) [Ахметьянов 2001: 167], с этой же основой он связывает слова *сан* 'число, численность; имя числительное; уважение' и *санау* 'считать, думать' (там же, 170). Так, если рассматривать конкретнее, в современных словарях зафиксированы следующие фонетические варианты лексем: тат. *сагыш* 'тоска, грусть, кручина', *сагыну* 'тосковать, скучать, соскучиться'; в диалектах татарского языка имеется значение этого же слова 'вспоминать' и *сагышлау* 'думать, заботиться' [ТТДС 1993: 260], башк. *һагыну* 'скучать, соскучиться, тосковать', *һагыш* 'тоска, грусть', к.-балк. *сагыш* 1) 'дума, размышление, раздумье'; *сагыш этерге керекди* 'надо подумать'; 2) 'забота'; кирг. *сагыныч*, *сарсана*, *санаа* 'тоска', к.-калп. *сагыныу* 'скучать', *тууган елин сагыныу* 'тоска по родине' узб. *согиниш* / *сикилиш* 'тоска', куман. *сагыныч*, *сагыныыв*, *сагыш*; *ватанын сагыныыв* 'тоска по родине'; хак. *сагыс* 'тоска', тув. *сарын* 'тоска, томление тревога', алт. *санаар* 'тосковать'; азерб. *сыхынты* 'тоска'; тур. *sikinti* 1) 'тоска, скука, грусть, томление, огорчение'; 2) 'стеснение, стесненное, затруднительное, бедственное положение, невзгоды'; 3) 'предчувствие, беспокойство'; *sikiniç* 'нужда, лишения'; чув. *салху* / *савху* 1) 'тоска, скука, печаль, уныние'; 2) 'пасмурный, ненастный, хмурый, мрачный'; якут. *санаа*- 1) 'думать, подумать, задумать'; 2) 'желать, пожелать'; 3) *в сочет. с посл. кэриэтэ (словно, будто, как)* считать кем-л.; *санаа-оноо* 'грусть, печаль; горести; печальные горестные мысли'; *санааргаа*- 'грустить; печалиться; скорбеть, горевать'.

В.В.Радловым зафиксировано несколько фонетических вариантов: уйг., шор., лебедин, сагай., койбаль., качин., коман., кирг., караим. *сагын-* 'думать, подумать, обдумать, скучать, тосковать', кирг. *сагыныс*, уйг.

сагынч 'забота, печаль, тоска'; шор, лебедин, койбаль *сагыс* 'мысли, разум'; *сагыш* 1) уйг. 'число, счет'; 2) телеуг. 'ум, разум, память'; 3) казанское наречие 'дума, забота, грусть, печаль' [IV 1911: 248, 265-267, 269-270].

В древнетюркском словаре зафиксированы следующие лексемы: *sayın* 1) 'желать, хотеть, задумывать'; 2) 'поддерживать словами'; *saqin-* 1) 'думать, размышлять, представлять'; 2) 'хотеть'; 3) 'сожалеть, грустить; беспокоиться, заботиться'; *saqinč* 1) 'мысль, дума, размышление; помыслы'; 2) 'намерение'; 3) 'забота, печаль'; *saqinč san* 'раздумывать, размышлять'; *saqintaq* 'мысль, помысл, размышление' [ДТС, 1969: 480, 486]. По нашему мнению, мотивом номинации всех выше приведенных лексем могло бы быть древнетюркская глагольная основа *saqi-* 'казаться, представляться в воображении, мерещиться' [ДТС 1969: 486].

Понятийный анализ концепта предполагает определение конститутивных признаков этого концепта на основе словарных определений и выявление его системных корреляций. Обратимся к словарным дефинициям лексем *сагыш/ сагыну*.

«Толковый словарь татарского языка» (1979 г.) дает следующие толкования данных слов: **Сагыш** сущ. Чувство подавленности, печали, горя, вызванное от сильной тоски по кому-чему-либо [Толковый словарь татарского языка 1979: 613]. **Сагыну** гл. Переносит чувство тоски, вспоминая прошлое, человека или происшедшее действие с положительной стороны [Толковый словарь татарского языка 1979: 613].

Наличие целой системы дериватов лексем *сагыш* и *сагыну* лишний раз подтверждает тот факт, что данный концепт является важной частью психо-эмоциональной сферы татарского народа. Так, в одном только «Толковом словаре татарского языка» зафиксировано 10 их производных: 1. **Сагышлану** гл. Придаваться данному чувству. 2. **Сагышлау** гл. Состояние человека, который предаваясь названному чувству, вспоминает кого-либо, думает о ком-либо, испытывая чувство беспокойства. 3. **Сагышлы** прил. Переживающий названное чувство, грустный, печальный, горестный. 4. **Сагышлык** сущ. Тоска. 5. **Сагышчан** прил. Быстро предающийся названному чувству. Оно также может означать «выражающий», «отражающий» данное чувство. 6. **Сагынулы** прил. Выражающий, отражающий, содержащий чувство ностальгии, тоски по кому-чему-либо. 7. **Сагынуны** сущ. Тот, кто тоскует (сучает); тоскующий, скучающий по кому-чему-либо. 8. **Сагыныч** сущ. Чувство тоски. 9. **Сагынычлы** прил. Содержащий чувство грусти, тоски по кому-чему-либо. Долгожданный, вожделенный. 10. **Сагынышу** гл. (от сагыну) - совместное переживание названного чувства.

По материалам «Татарско-русского словаря» (1933, 1950, 1966, 1988) можно выявить следующие парадигматические связи слова *сагыш*: *кайгы* (горе, печаль), *хэсрэт* (горе, скорбь, печаль), *көөнү* (печаль, кручина), *эч пошу* (скучать, не находить места), *жирсү, жирсетү* (тоска по родине), *юксыну* (тосковать, скучать), *туган илне сагыну* (ностальгия по родине), *гамь* (тоска), *моңсулану* (печалиться, грустить, унывать), *ямансулау* (грустить, тосковать).

Лексемы *сагыш*, *сагыну* в татарских текстах обнаруживают следующие синтагматические связи: *Сагыш/сагыну* - ялкыны (например, *сагыш ялкыны* - пламя тоски), моңы (*сагыш моңы* - грусть тоски), жыры (*сагыш жыры* - песня тоски), хисе (*сагыну хисе* - чувство тоски), йөрэк (*йөрэк сагышы* - тоска сердца), яшьләре (*сагыш яшьләре* - слезы тоски) и др. *Сагыш/сагыну* - дөрләү, яну (*сагышта дөрләү, яну* - гореть от тоски), тулу (*сагыш белән тулу* - наполняться тоской), салу, тарту, кертү (*сагышка салу, тарту, кертү* - заставить тосковать) и т.д.

Используя этот материал, можно составить следующие представления о содержании концепта «сагыш» в татарской языковой картине мира: 1. Психическое состояние (в душе - *сагышлардан күңелем тулды*). 2. Чувство (в сердце - *йөрэк сагышы*). 3. Физическое ощущение (в теле - *күпме сагыш йоттым мин*, в голосе - *сагыш тулы тавыш*, в глазах - *күзләргә сагыну туйлыккан*). 4. Существование какого-то пространства, царящего вокруг человека (*бушап калган кырлар сагышлана*). 5. Активная, самостоятельно существующая сила (анализ глаголов: олицетворенная (вроде живого существа) - *сагыш башын куйган мөддәргә*; вроде бабочки - *сагыш кунса күңелеңә* или подобная стихия - *чайкалам сагыну диңгезендә*). 6. Среда или субстанция, само пространство с определенными характеристиками: *сагышка кертү, сагышымны яңарта*.

Сагыш (тоска) - это чувство, обусловленное внешним фактором, таким, как расставание, разлука, поэтому всегда направлено на конкретный объект. Анализируя различные контексты, можно выявить эти объекты и, тем самым, обнаружить семантические связи лексем данного поля. Одним из наиболее частых значений, входящих в концепт «сагыш», является «ностальгия», тоска по родине, по родной земле, что вполне естественно, принимая во внимание дисперсный характер проживания представителей татарского этноса.

Чувство тоски по родине в поэтических текстах зачастую связывается с более частными объектами, входящими в общее представление «родина», такими как родная деревня, река Идель и т.д. В большинстве случаев чувство «сагыш» у поэтических героев обусловлено разлукой с любимой - любимым, матерью, режой - с ребенком, народом. Кроме ключевых лексем *сагыну, сагыш* в план выражения концепта «сагыш» входят лексемы, означающие различные чувства и эмоции, вызванные состоянием *сагыш*: «юксыну», «ямансулау», «күңелсезләну», «кайгы», «хэсрэт», «көөнү», «көөнеч», «жирсетү», «туган илне сагыну», «жирсү».

Таким образом, анализ показал, что такое огромное количество лексических средств выражения концепта свидетельствует о том, что он является весьма важной и неотъемлемой частью ментальности татарского народа.

Список использованной литературы

1. Степанов Ю.С. Изменчивый образ языка в науке XX века / Ю.С.Степанов. - М., 1999.
2. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю.С.Степанов. - М.: Языки русской культуры, 1997.
3. Ахметьянов Р. Краткий историко-этимологический словарь татарского языка. - К.: Татар. кнж. из-во., 2001.
4. Деалектологический словарь татарского языка. - К., 1993.
5. Древнетюркский словарь. - Л., 1969.
6. Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. - Т. I. - СПб, 1893; Т. II. - 1899; Т. III. - 1905; Т. IV. - 1911.

ВОЕННАЯ ТЕМА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А. КУТИЛОВА

Ваиштина О. Ю.

Омский государственный педагогический университет

В нашей жизни все - и обыкновенное, и уникальное, неповторимое - сложно переплетено. Всякое событие мы можем увидеть и с парадной стороны, и с изнанки, одно и то же пространство пережить и как свое, и как чужое - неудобное и принудительно навязанное. Именно от того, как мы посмотрим на мир, окружающий нас постоянно, зависит, каким мы его увидим.

Стихи А. Кутилова о войне можно рассматривать как антигероические, в них автор по-своему, с позиции мирного человека, рассматривает военные события. В таком отношении к историческому событию Кутилов продолжает литературную традицию.¹

Военная история Отечественной войны 1812 года изучена и описана достаточно подробно. Не вызывает сомнений и особое значение военных лет для истории общественной мысли в России и для духовного пробуждения народа.

Начало войны, оставление Смоленска, Бородино, пожар Москвы - все это наполняло умы участников событий впечатлениями; постоянные перемещения, путаница маршей, усталость от тяжелых боев - не давали возможность эти события обдумать, осмыслить происходящее. «Лучшим произведением, описавшем события Отечественной войны 1812 года, был «Певец во стане русских воинов» [Жуковский 1959: 84] В. Жуковского. Произведение было написано в сложное для Кутузова время - после оставления Москвы. В рескрипте на имя Кутузова Александр I писал: «Вспомните, что вы оскорбленному отечеству обязаны потерей Москвы». Ю. Лотман ссылается на письмо [Лотман 2002: 603] Растопчина от 20 октября 1812 года, который писал: «Кутузов - самый гнусный эгоист... Спит, ничего не делает» [Жуковский 1959:186]. В то же время Жуковский показывает нам Кутузова «бодрым вождем»:

С ним опыт, сын труда и лет, / Он бодр и с сединою.

Ему знаком победы след...

Доверенность к герою! [Смирнов 1995: 86]

Аркадий Кутилов в своем стихотворении «1812» нарисовал образ Кутузова, созвучный мнению Растопчина: главнокомандующий «сидит на барабане и облучает ленью наступающего противника» [Кутилов 1998: 166]:

- Добавьте лени! - / Он спохватился:

- Добавьте пушек / на левый фланг.

Скажете: Кутилов сознательно принизил образ Кутузова, убрал «опытность и бодрость». Но если вчитаться внимательно, то мы увидим, что устал и молодой император, «поистрепал полжизни», а сейчас его

¹ Достаточно вспомнить роман «Гаргантюа и Пантагрюэль» Ф. Рабле [8, 102], в котором автор осмелел организацию монархической власти. Король Пинрохол, воспользовавшись вздорным поводом, напал на Грангузье. Началась война. Не сумев довести военную кампанию до победы, разбитый, в одиночку «Пинрохол в отчаянии бросился бежать», но «конь его споткнулся», Пинрохол «в испуге заколол коня мечом». Другого коня не было, он хотел было «подобраться к мулу», но «получил трепку» и был раздет. В таком виде «поганый злока зашагал дальше» [8, 102]. Смех и гротеск Рабле – орудие его сатиры в изображении войны (впрочем, и всего остального). Как бы он ни изображал жизнь, он всегда дает изображение, верное природе. И наиболее потрясающие по реализму эффекты часто достигаются у него карикатурным показом того, что прямо противоположно действительности.

Ромен Роллан в своей повести «Кола Брюньон» отразил влияние Рабле.

В русской философии Соловьев и Булгаков «упрекали позднего Л. Толстого с его «пацифистскими писаниями» в «гедонизме». Незаслуженно». См.: Смирнов И.П. Неизвестный солдат // Лотмановский сборник. М.: Изд-во «ИЦ-Гарант», 1995.- с. 287

Идея Толстого состояла в том, что господство одного индивида над другим и война – одно и то же. В праве противиться воинскому долгу Толстой отстаивал «не право плоти быть собой, но право каждого быть князем». См.: там же, с. 287.